

В Порт-Артуре были три медицинских начальника: Крепостной врач Субботин, Морской медицинский инспектор при наместнике Ястребов и флагманский доктор Бунге.

К концу осады все они жили у Субботина под Перепелочной Горой. Так как это место (стык старого и нового города) очень обстреливалось, они сделали себе в скале горы блиндаж.

Так как все они были статскими советниками, то все в Артуре называли это блиндаж – «блиндажем трех статских советников».

Об инженер-механиках

В период моего плаванья на «Пересвете» их положение среди офицеров было оскорбительно. Почему-то их лишили прежних сухопутных военных чинов и дали какие-то звания «младший инженер-механик», «старший», «флагманский». Они не имели эполет, не имели палаша, и честь им отдавала только команда своего корабля. Между тем в бою им подчинялись две трети команды судна. На «Пересвете» было пять инженер-механиков.

Странно было, что морские врачи в то же время сохраняли эполеты и палаша, и им честь отдавали все матросы флота и солдаты армии.

После войны все это изменилось, инженер-механикам дали сначала почему-то снять сухопутные, а потом и флотские чины, но до адмиралов они все же не дошли во флоте. Такова сословная ржавчина.

На флоте было пагубное время, когда во главе Морского Корпуса стоял генерал-адъютант адмирал Арсеньев, который считал, что Морской Корпус во флоте, то же что Пажеский в армии.

Эти сословные пережитки были причиной принижения механиков, инженеров по образованию. Это было, отчасти, причиной и неудач нашего флота.

Вообще смешно думать, что на корабле в бою одни в составе экипажа могут считаться военными, а другие - штатскими. Опыт показал, что люди с золотыми погонами бывали трусами в бою, а люди даже в священнической рясе - героями.

Правила общежития

По морскому уставу Петра Великого в кают-компании нельзя было говорить о трех вещах: о политике, религии и осуждать начальство. Это строго соблюдалось, вошло в привычку и имело благоприятные последствия. Ссор в кают-компании я не помню. Это надо приписать разумности устава Петра Великого, среди сотрудников которого насчитывалось много иностранцев и иноверцев.

Никто из офицеров не мог пригласить в кают-компанию на обед или на ужин кого-либо с берега, не испросив согласия всей кают-компании.

Хотя председателем кают-компании считался старший офицер, а за его отсутствием старший из флотских офицеров, но все дела кают-компании решались ею самою, и каждый имел равный голос.

Командир корабля не имел права, без приглашения кают-компании, быть её гостем. Он столовался отдельно у себя и имел свою кухню. Иногда, очень редко, командир приглашал к себе на обед кого-либо из офицеров.

Младший флагман и его флаг офицер обедали обычно с командиром.

Флагманские специалисты тоже чаще обедали с командиром или со своим флагманом, но предпочитали кают-компанию, где общество было более веселым.

Начальник эскадры – старший флагман – держал флаг на больших броненосцах, где имелось, обычно, адмиральское помещение. С ним обедал весь его персонал, плававший на этом корабле, и гостем его бывал командир судна. Согласно обычаю, всех штабных с ним столовавшихся, старший флагман кормил за свой счет.

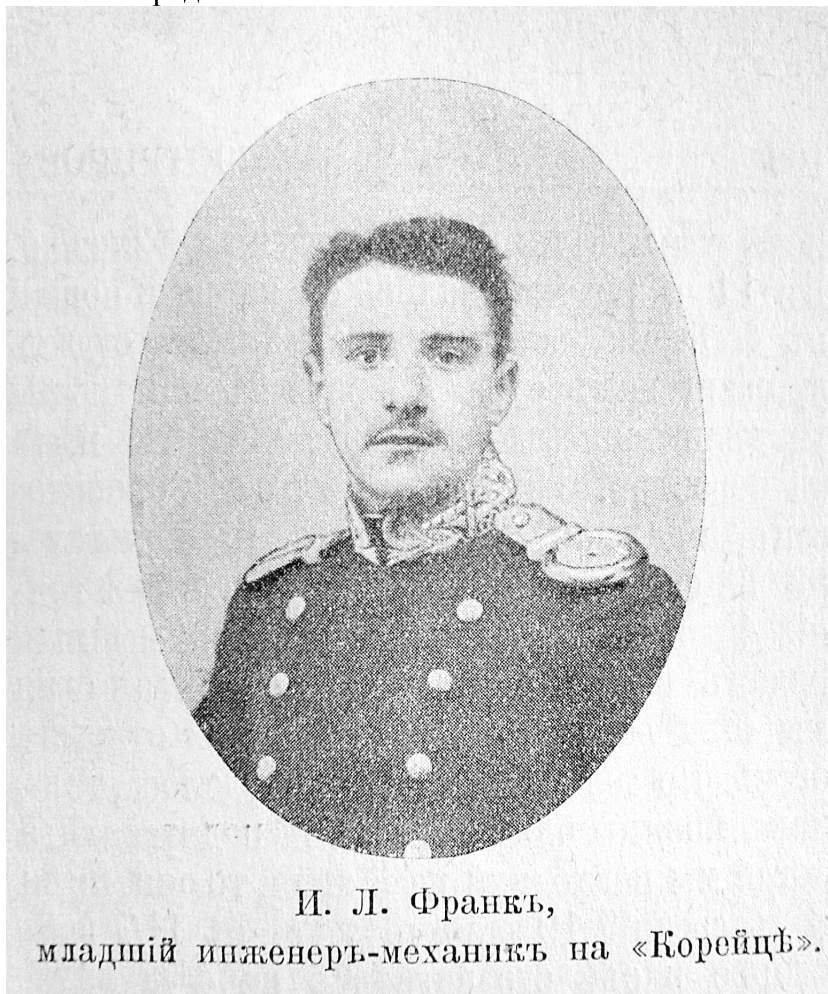
Обед

- Благослови, отец Вениамин,(а то и проще – «благослови, батя», при гостях же – «благословите, батюшка») – говорил старший офицер, лейтенант Елисеев.

Пропев хором «аминь», подходили к двум большим закусным столам, на которых находилось 20-30 сортов различных закусок, которых было бы вполне достаточно для полного обеда. Вареное, копченое мясо, различные рыбы, салаты. Для любителей - водка и её производные. Пили умеренно.

Все садились за длинный стол; у каждого было свое место.

Председательствовал старший офицер, лейтенант (на окладе) Елисеев, справа от него сидел старший врач, слева - старший из лейтенантов. На противоположном конце, против старшего офицера, сидел старший инженер-механик Эйсмонт, как бы председательствующий на другом конце стола. Справа от него трюмный механик; тут же невдалеке остальные его подчиненные. Остальные офицеры хотя и сидели на своих местах, но в смешанном порядке.

И. Л. Франкъ,
младшій инженеръ-механикъ на «Корейцѣ».

Я, младший судовой врач, сидел в стороне механической, рядом с отцом Вениамином. Другим моим соседом был младший инженер-механик Сергеев, недавно умерший в Париже (капитан 1-го ранга Гвардейского экипажа). Напротив него инженер-механик Франк, впоследствии, на «Корейце», получивший Георгия 4 степени.

В кают-компании ели очень хорошо, но особых излишеств не было. Вино каждый заказывал для себя за свой счет из офицерского погреба. Остальные расходы делились поровну. Стол нам обходился около 70-80 рублей в месяц. Когда бывали гости, одиночные или несколько человек, дополнительные расходы все равно делились поровну.

Развлекатели

Сергеев и Франк обычно смешили всю кают-компанию своими анекдотами, весьма оригинальными и модными в то время на эскадре. В соли этих анекдотов было не остроумие, не красное словцо, а поразительная глупость, но в этой глупости они были, безусловно, остроумны. Люди смеялись не над рассказом, а над самими собою. Все выходило так неожиданно и глупо, что вызывало досаду у слушателей, и реакцией был смех.

Сергеев - блондин, почти белоголовый, изящный молодой человек лет 22-х, со сдержанными движениями, крайне деликатный, всегда чистенько и изящный одетый, обладал оригинальной мимикой. Он с такой детской наивностью тарачил свои большие светло-серые глаза, когда публика со злобой и досадой бросала на него свои взоры, что обрывал негодование своих слушателей, и все начинали хохотать.

Черномазый, кучерявый Франк, был человеком совсем другого жанра, очень вежливый, со всеми одинаково любезно ровный и услужливый, чуть заискивающий, умница. Он был зачинщиком глупых сентенций на самые обыденные мелочные злобы дня, никого не задевавшие и не задиравшие.

Сергеев подхватывал тему и своей мимикой и краткими репликами доводил до анекдота.

Передать содержание этих смешных глупостей невозможно. Их надо видеть и слышать. Но художественности их нельзя отрицать.

Кондукторы флота

Незадолго до моего поступления во флот был введен особый чин кондуктора, вроде полу-офицера. Они носили почти офицерскую форму с погонями околоточного надзирателя и офицерским палахом.²

В этом чине состояли: старший боцман, артиллерист, минер и содержатели технического имущества и продовольствия (баталеры). Все они были пожилые сверхсрочнослужащие. На «Пересвете» было 10-12 кондукторов.

У них была своя кают-компания. Конечно, офицеры_обязаны были обращаться к кондукторам на «вы».

Однажды наш старший офицер, обычно уравновешенный человек, напился пьян. В таком виде он скандалил и ударил пожилого почтенного старшего боцмана.

² палаш – рубящее ручное оружие с большим прямым клинком (ред.)

Дело это было замято, видимо по желанию самого боцмана, который также не был безгрешен в этом отношении к команде.

Конечно, будь перед старшим офицером не боцман, а мичман, он этого не сделал бы, ибо и пьяный знал бы, что получит сдачи.

Вообще, мордобойства я на «Пересвете» не видел.

Матросы

Я познакомил своих воображаемых читателей с офицерской кают-компанией. Теперь я хочу сказать несколько слов и о команде.

Относительно обученности матросов своему делу, я уже сказал; заслуга в этом по праву принадлежит офицерскому составу и постановке учебного дела во флоте.

Как флотские офицеры для обучения многочисленным специальностям корабельной службы на боевом судне командировались в особые офицерские классы (артиллерийский, минный, штурманский), и проходили там основательный курс обучения, так и для матросов были устроены специальные классы. Дело было поставлено настолько хорошо и солидно, что для получения чина квартирмейстера (унтер-офицера) иногда курс продолжался до трех лет. При этом надо сказать, что для отправления в школы отбирались наиболее способные, вполне грамотные и имевшие техническую подготовку на фабриках и заводах.

Подобные же классы были устроены для трюмных, машинной команды и для кочегаров.

Стрельные квартирмейстеры, т.е. матросы, работавшие на верхней палубе по несению вахты, обучались в особом отряде в годичном заграничном плавании. Особая школа была и для сигнальщиков.

Что же касается фельдшеров, то они обучались в особой школе в Кронштадте в течение четырех лет, но набирались из мальчиков. В курс обучения, кроме практических знаний, входила теория наук биологических. По общему образованию это соответствовало прогимназии. Фельдшера носили на погонах кантик вольноопределяющихся.

Как видите, командный состав подготавливался далеко не плохо и, действительно, на практике он не был плох и оказался вполне на высоте задач, которые ему выпали в Русско-японскую войну.

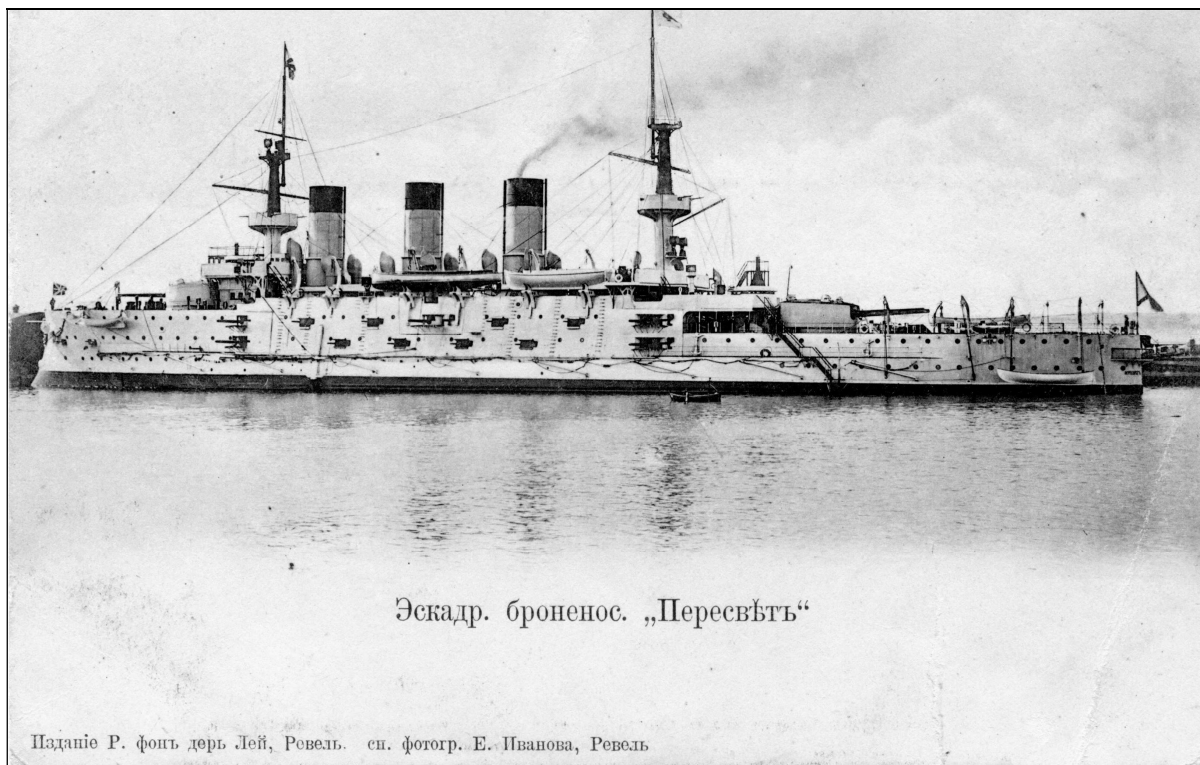
В те времена, матросы служили семь лет. Срок очень большой, разбивавший всю жизнь молодого человека, который лучшие годы отдавал воинской повинности.

Тяжело было бремя для народных масс, связанное со службой во флоте.

Во флот отбирались наиболее смышленные, расторопные, вполне грамотные и преимущественно мастеровые.

Как ни странно, но большинство команды было из таких губерний, от которых море было очень далеко. Важнее было не знание моря, а знание техники.

По народностям, хотя большинство были великороссы, было много хохлов, татар и других народностей. Евреев среди матросов в то время уже не было.

Матросский быт на корабле

Спали матросы на подвесных койках во всех свободных помещениях, кроме машинных.

На больших кораблях команда ела на висячих столах, спускавшихся с потолка. На малых судах ели ещё из баков.

«К вину и обедать!» - командовал вахтенный начальник. Дежурные по палубам репетировали команду и свистели продолжительно в свистки. Желающие получить чарку, становились в очередь и получали свою порцию рома. Не желающие пить получали деньгами (9 копеек в день). В мое время на корабле пили мало, из тысячной команды только несколько десятков человек. Остальные предпочитали деньги.

Кок подавал пробную порцию командиру или старшему офицеру, которую представляли вахтенный начальник и ревизор. После обеда ложились спать, свободные и желающие, но без коек.

Матросы были заняты целый день, а повахтенно и ночью, и не только на ходу, но и на якорю.

Около двух третей команды - были машинисты и кочегары, и только одна треть – артиллеристы, минеры, строевые и прочие.

Содержание офицеров и матросов

«Пересвет» считался в заграничном плавании. Поэтому выплачивалось содержание золотом. Содержание делилось на постоянное (береговое) жалование и на морское довольствие, за пребывание на корабле под вымпелом (особый длинный флажок на мачте). В общем это выходило очень много. Мичман получал около 300 рублей в месяц, в зависимости от должности. Старшие специалисты – около 450 рублей в месяц.

Неплохо получали и матросы. Старший машинный квартирмейстер (готовая пища и одежда) получал около 50 рублей в месяц. Рядовые матросы - много меньше, но все же между 5 и 10 рублями.

Отпуска на берег

Даже для офицеров это был большой вопрос. Съезжать на берег могли не раньше пяти часов вечера по окончании учений и работ, с разрешения старшего офицера. Отпускалось не больше одной четверти офицеров и максимум до подъема флага, т.е. до 8 часов утра, даже в тех случаях, когда корабль стоял в гавани.

Для матросов это был драматический вопрос. Их отпускали раз в неделю, по воскресеньям, после обеда и до 6 часов вечера, и далеко не всегда.

Каждый матрос должен был явиться на пристань – живой или мертвый - к моменту отплытия шлюпки на корабль. Любители кутнуть, а таких было немало (было на что кутить) наравили напиваться так, чтобы только добрести до своей шлюпки на ногах. Свалившихся на пристани у шлюпки за руки и за ноги несли на баркасы и увозили на корабль.

Кто опоздал к отходу шлюпки, того ожидала жестокая кара : месяц, а то и два « без берега».

Венерическая профилактика

Для борьбы с венерическими болезнями принимались различные меры до и после отпуска, значительно ослаблявшие частоту заболеваний.

Одно время было в моде выдавать матросам, уходящим на берег, особые коробочки с ртутной мазью и проторголом в ампулах уложенных в коробочку, сделанную под коробку шведских спичек, скрывавшую её подлинное назначение от матросских дам.

Для пьяных все это было бесполезно. Для таких приходилось принимать особые меры уже по возвращении их на корабль.

Попугай и пёс

Наш ревизор, лейтенант Нелидов, где-то купил большого белого попугая, с доброго петуха, и поднес его кают-компания. Его поместили в клетку и оставили жить в столовой. Сначала все им забавлялись, кормили и отпускали на волю. Он кое-что болтал по-английски и по началу вёл себя смиренно, как хорошо воспитанный субъект.

Всеобщее внимание его развратило, или стали над ним подтрунивать и издеваться, но попка скоро обнаглел, стал всюду лазить, некоторых не взлюбил (в том числе и меня), и, наглец, стал кусаться. Некоторым офицерам не давал приблизиться к себе. А говорить - то разучился. Не с кем было упражняться в английском, а до русского языка не дошел.

Потом «попик», как его называли, стал гадить всюду и сделался настолько неучтив и груб, что скоро он всем опротивел (кроме Нелидова) и его решено было «с протестом списать на берег», как списывали недостойных офицеров.

А у нашего старшего штурмана, капитана Лизоблюдова, был замечательный фокс-террьер, белый, худощавый с черным моноклем на правом глазу. Он был страшно

нервный, но со всеми, без исключения, поддерживал дружеские отношения и прыгал на аршин и больше. Его все любили.

У команды были свои любимцы животного мира. На одном судне я видел даже барана.

Не выживали только кошки : они не выносили электрической атмосферы, которой был пропитан «Пересвет», по существу – завод с сотней машин, движимых электрической энергией.

Корпуса флотских штурманов и морской артиллерии

Сам капитан Лизоблюдов, милейший и очень учтивый человек, был своего рода достопримечательностью. Он был офицером тогда уже упраздненного корпуса флотских штурманов и дослуживал до пенсии. Штурмана носили особую форму и имели сухопутные чины, тогда как были мореходами из мореходов. Всё сословность!

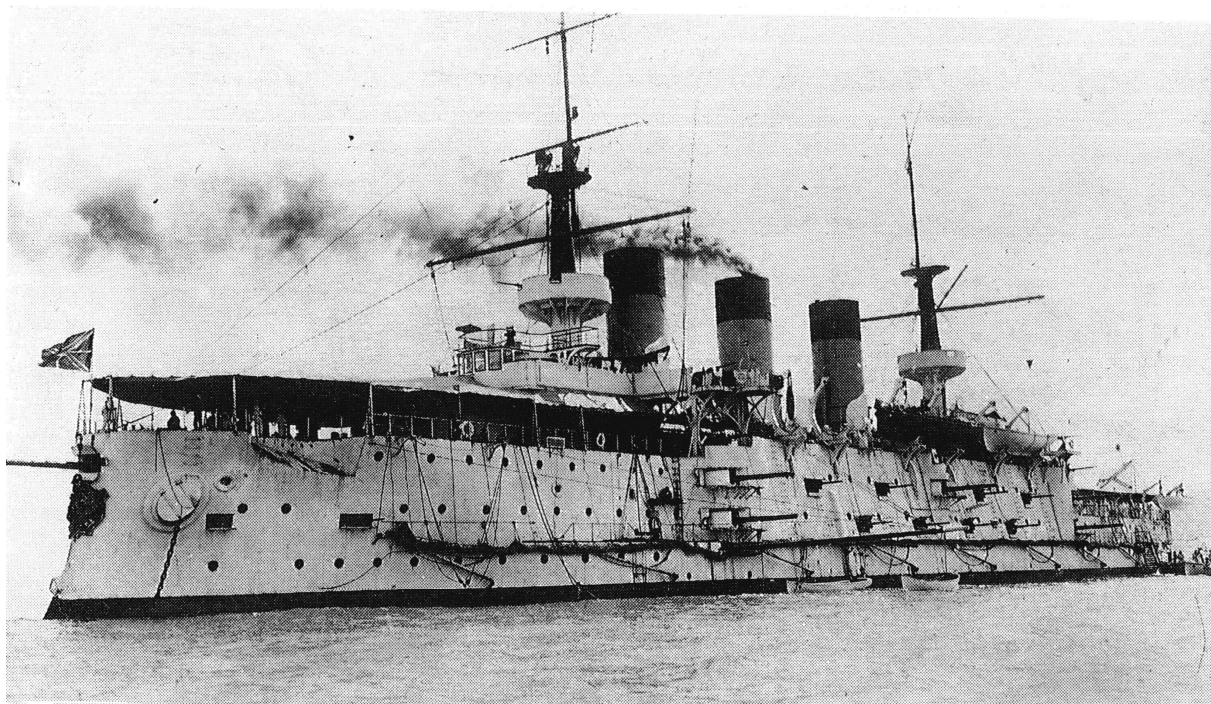
В таком же положении были и офицеры корпуса морской артиллерии, тоже упраздненного.

Последним представителем этого корпуса в Порт-Артуре (уже во время войны) был подполковник Меллер (тонкий знаток своего дела), переделавший лафеты батареи 10-дюймовых пушек Электрического утеса на большую дальность.

Уже генерал-майором, перед Великой войной (первой), он был начальником Обуховского пушечного завода. У него служил инженером мой двоюродный брат, тоже Кефели.

Последние представители обоих упраздненных корпусов были большими знатоками своего дела.

Почему упразднили эти корпуса – непонятно.

«Пересвет» на Дальнем Востоке, 1902 г.

II ЦЕРЕМОНИИ НА ФЛОТЕ

За истекшие полвека флот очень изменился.

Под влиянием нового оружия, входящего в употребление после Второй мировой войны, флот, как боевая сила на море, может потерять свое значение, даже исчезнуть.

Авиация, атомная бомба доминируют уже теперь и над сушей и над морем.

Описывая церемонии, хочу, чтобы не забыли прошлого.

На кораблях военного флота всех наций совершается много церемоний, в которых участвуют все свободные от службы офицеры и матросы, т.е. те, которые в данный момент не на вахте. Особенно много подобных церемоний продлевается на больших кораблях, стоящих в составе эскадры.

Их значение

Капризная стихия моря выработала неспроста ритуал, однообразный у всех народов мира, неспроста. Необходимость всегда быть на чеку и всегда готовым дружно и в строгом порядке и дисциплине встретить и изменчивые капризы погоды, и разные «неизбежные в море случайности» и технические трудности и боевые задачи, когда в несколько секунд надо осветить себе положение вещей, в мгновение ока принять решение и быстро его осуществить, требуют от экипажа корабля особой спайки и сыгранности, чтобы весь личный состав, от командира судна до последнего матроса второй статьи, как созвучный оркестр, мог выполнить быстро и точно волю адмирала по его сигналу, исходящий от этого приказа командира, распоряжение офицера и команду старшины.

Необходимо, чтобы и каждая машина на корабле слушалась своего машиниста без отказа, промедления, точно, в меру надобности, и притом в аккорде с сотней других.

Симфония действий такой сложности на вечно колеблющейся поверхности моря, при его страшных сюрпризах требует от экипажа не ослабевающей ни на минуту бдительности, внимания и активности.

Недаром у всех народов, начиная с древних времен, морские обычаи, церемонии и порядки почти одинаковы, особенно на боевых судах.

К подъему флага

Самой важной, наиболее торжественной, и притом ежедневной церемонией является подъем национального, у нас Андреевского, флага (белое полотнище с диагональными, перекрещивающимися голубыми полосами – знамя боевого корабля), ровно в 8 часов утра и спуск его точно с заходом солнца.

За несколько минут до 8-ми часов утра вахтенный начальник командует:

- Караул наверх! Сигнальщики к флагам! Команда по-вахтенно во фронт!

Из крытых палуб, полубегом выскакивает с десятков матросов, наряженных в караул, с патронташами через плечо и ружьями в руках. На ходу они спешно